

УДК 94(47).046

**«А ИМ ДЕ ОТ ТЕХ КАБАЦКИХ ОТКУПЩИКОВ
ОБИДА И НАСИЛЬСТВО ВЕЛИКОЕ...»:
БОРЬБА ЗА КАБАЦКИЕ ОТКУПА В НИЖЕГОРОДСКОМ УЕЗДЕ
НА ИСХОДЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**

© 2017 г.

Д.В. Лисейцев

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Liseitsev@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Рассматривается история развернувшейся во втором десятилетии XVII века борьбы за обладание правом откупа кабаков в Нижегородском уезде. Торговля алкогольными напитками в XVII в. давала чрезвычайно высокие прибыли, поэтому желающих участвовать в откупе кабаков (находившихся в монопольном владении государства) было немало. Обнаруженные документы позволяют проследить перипетии упорной, порой даже ожесточённой борьбы за доминирование в этом высокодоходном деле. Особенно напряжённой была конкуренция за право откупа кабака в богатом нижегородском селе Павлове. Как свидетельствуют документы, большую заинтересованность в эксплуатации нижегородских кабаков демонстрировали торговые люди соседнего Гороховецкого уезда, сумевшие при поддержке своих покровителей – близких к царю Михаилу Фёдоровичу братьев Салтыковых – на некоторое время потеснить нижегородцев. Переход власти в руки вернувшегося из польского плена патриарха Филарета Никитича ослабил позиции придворной группировки Салтыковых в Москве, что привело к утрате захваченных гороховлянами позиций, место которых заняли люди из окружения патриарха.

Ключевые слова: Смутное время, царствование Михаила Фёдоровича, Нижегородский уезд в XVII веке, кабацкие откупа, политическая борьба.

1612–1613 гг., когда силы Объединённого ополчения освободили от польско-литовской оккупации Москву и возвели на престол Московского государства Михаила Фёдоровича Романова, оказались во многом переломными, хоть и не последними в череде драматических событий Смутного времени. Одной из насущных проблем как для правительства, так и для населения страны стало восстановление разрушенной Смутой экономики. Одним из самых прибыльных направлений в частном предпринимательстве того времени являлось кабацкое дело; сборы от продажи алкогольных напитков составляли также и львиную долю доходов государственной казны. На пересечении интересов фиска и частного предпринимательства в XVII в. активно развивался феномен откупа, дававший гарантированный доход и откупщику, и государственному бюджету.

Неудивительно поэтому, что за кабаки в XVII столетии велась ожесточённая борьба – желающих участвовать в этом выгодном бизнесе было немало. Откупщик и казна при этом, как правило, быстро находили общий язык. Но ситуацию осложняло сопротивление местного населения, которому передача кабака на откуп, особенно в руки постороннего лица, не сулила ничего хорошего. Заинтересованный в получении максимальной прибыли предприниматель не останавливался даже перед намеренным спа-

иванием окрестного люда. По этой причине жители деревень и городов нередко пытались перевести кабаки «на веру» (когда деньги собирали приносившие присягу выбранные из местных жителей верные целовальники). Другим вариантом было взять кабак на откуп «всем миром», вытесняя таким образом чужаков.

В этом общем русле развивалась ситуация и в Нижегородском уезде. Борьба за кабаки в этом регионе на завершающем этапе Смутного времени, впрочем, имела свои любопытные нюансы. В частности, нижегородцам пришлось вступить в продолжавшуюся несколько лет конкурентную борьбу с жителями соседнего Гороховецкого уезда, которые, пользуясь выгодными для себя обстоятельствами, сумели совершить своеобразную «интервенцию» на нижегородский рынок «кабацкого дела». Опубликованные источники фиксируют попытки гороховлян закрепить за собой этот сегмент нижегородского рынка с лета 1613 г. Обнаруженный мной документ (публикуемый в приложении) свидетельствует о том, что интерес к нижегородским кабакам представители гороховецкого посада начали демонстрировать раньше, в период формирования в Нижнем Новгороде Второго ополчения.

Из царской грамоты, направленной в 1615 г. в Нижний Новгород, мы узнаём, что житель

Гороховца Фрол Филатов «с товарищи» в 1611/12 г. (т.е. именно в момент формирования и начальной фазы действий Второго ополчения) откупил «в Нижнем Новгороде у ...воевод у князя Василья Ондреевича Звенигородсково да у Ондreja Семеновича Олябьева да у Василья Семенова в Нижгородском уезде павловской кабака на 121-й год», заплатив вперёд 450 рублей. Вполне вероятно, что богатый кабака стал своего рода средством по привлечению капиталов гороховлян для организации Ополчения. Известно, что Кузьма Минин «нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с ково что денег взять, смотря по пожитком и по промыслом, и в города на Болохну и в Гороховец послал же окладывать» [1, с. 29]. Мы знаем, однако, что торговые люди начала XVII в. расставались с капиталами крайне неохотно. В соседней Балахне, куда Кузьма Минин посылал «окладчиков», торговым людям пришлось угрожать отсечением рук, и только эта жёсткая мера заставила балахнинских купцов проникнуться патриотическим пафосом момента. В богатейшем Ярославле весной 1612 г. Минину пришлось взять под арест тамошних купцов с ярославским земским старостой Григорием Никитниковым во главе, посулив им полную конфискацию имущества в случае отказа влиться в ряды «социально ответственного бизнеса» [2, с. 379, 382, 383]. Но подобными методами Минин мог пользоваться лишь тогда, когда его требования подкреплялись наличием у него реальной силы в лице отрядов Второго ополчения. На начальной стадии формирования Ополчения таких возможностей «выборный всею землею человек» не имел. К тому же гороховлянам в этом смысле повезло больше, чем их товарищам из Балахны и Ярославля, – путь нижегородского воинства, следовавшего вдоль Волги, пролегал в стороне от Гороховца.

Надо полагать, что вышеперечисленные обстоятельства и поставили гороховецких торговых людей в 1611/12 г. в весьма выгодное по отношению к Нижнему Новгороду положение. Остро нуждавшаяся в деньгах городская администрация не имела рычагов военного давления на гороховлян, поэтому ей пришлось допустить их к откупам на территории Нижегородского уезда. По всей вероятности, кабака в Павлове – не единственный из ставших объектом экономического интереса представителей верхушки гороховецкого посада. В июне 1613 г. другой гороховлянин – Иван Яковлев – получил в Москве грамоту на откуп кабака в нижегородском селе Ворсма на следующий год (с 1 сентября 1613 г.), обязавшись внести в казну 151 рубль и заплатив в Печатном приказе за прило-

жение печати 5 рублей 68 копеек и полденьги [3, с. 162]. Надо полагать, что в Ворсме этот гороховлянин появился ранее, в предыдущем 1612/13 г. Ещё один гороховецкий предприниматель, Иван Гордеев, тогда же, в июне 1613 г., получил в Москве грамоту на откуп в Нижегородском уезде Изблецкого кабака (сумма откупа – 48 рублей). Судя по всему, гороховляне в 1612/13 г. контролировали ещё два питейных заведения – либо в самом Нижнем Новгороде, либо в Нижегородском уезде. Пошлинная книга Печатного приказа сохранила для нас сведения о том, что в августе 1613 г. из Москвы в Нижний Новгород отправили две грамоты: первую – «о кабацком харчу и убытках, и о волоките» – выдали гороховлянину Богдану Исаеву; вторую – гороховлянину Богдану Кожевникову «на Янку Селиванова в кабатцком счете» [3, с. 171, 291].

Данные грамоты сохранили отголосок борьбы за нижегородские кабаки, развернувшейся летом 1613 г. Как видно из лаконичного изложения подьячими Печатного приказа отправленных в Нижний Новгород грамот, один из гороховлян искал управы в деле о своих убытках, связанных с кабацким делом, а у другого возникли проблемы со счётом – т.е. подведением финансовых итогов годовой деятельности (что обыкновенно имело место при передаче кабака от одного лица к другому). Сами жители Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда также стремились получать доход от прибыльного кабацкого дела. Сельский староста села Сосновского Степан Константинов получил в Печатном приказе грамоту на откуп в своём селе кабака за 20 рублей. Посадский человек из села Павлова Тимофей Сумароков взял за 40 рублей 19 копеек и 1 деньгу на 1613/14 г. на откуп кабака в селе Слободском; одновременно он на два года (1613/14 и 1614/15) откупил кабака в селе Григорове. В связи с тем что кабака заводился «вновь», за первый год ему следовало уплатить в казну 15, а за следующий – 20 рублей. Ещё один новый кабака был заведён Фёдором Назаровым в селе Ичалове (за который он обязался уплатить 13 рублей 24 копейки и 1 деньгу) [3, с. 272, 274, 284].

Возникли проблемы и в селе Павлове. В дзорной книге дворцовых и оброчных земель Нижегородского уезда 1613/14 г. кабацкий двор в Павлове описан крайне лаконично: «Да у торгу ж двор кабатцкой, а на дворе хором две избы да ледник с напоребицею, да онбар, да поварня» [4, с. 498]. 15 июня 1613 г. гороховлянин Иван Гордеев получил в Москве грамоту на откуп кабака на следующий, 1613/14 г., причём за заметно меньшую сумму, чем в предыдущем

году, – 380 рублей. За приложенную в Печатном приказе печать гороховецкий предприниматель заплатил согласно действовавшему тарифу 14 рублей 70 копеек (по 7.5 денег с рубля). Однако через месяц с небольшим в столицу поступила жалоба со стороны пашенных и непашенных крестьян села Павлова (их интересы представлял староста Михаил Иванов). Крестьяне сообщили, что гороховлянин занизил стоимость откупа: «перед прежнею грамотою объявилось лишку 75 рублей да новые наддачи 15 рублей». В итоге с лишних 90 рублей взяли 3 рубля 39 копеек и 1 деньгу недоплаченной печатной пошлины [3, с. 162, 268].

По записи в пошлинной книге Печатного приказа дальнейшая судьба павловского кабака остаётся не вполне понятной: был ли откуп по челобитной крестьян отобран у гороховецкого предпринимателя, или же итогом их жалобы стало лишь увеличение суммы. Первый вариант представляется более вероятным, поскольку пошлину за «объявившиеся» лишние 90 рублей взыскали с крестьян, а не с Гордеева. Обнаруженный мной документ вносит в данный вопрос ясность: павловские крестьяне сумели одержать верх над чужаком. В их челобитной содержится впечатляющий перечень злоупотреблений и «насильств» прежнего откупщика, Фрола Филатова. Во-первых, он покупал в селе хлеб в объёмах, значительно превышавших нужды собственно винокурения – «чети по сту и по полтораста» (т.е. примерно от 6 до 8.5 тонны). Лишний хлеб они продавали на стороне – «в отвоз отвозят для свое корысти», вследствие чего в округе хлеб подорожал. Это ударило по населению Павлова – «многие де люди от хлебна дорогови скитаютца меж двор». Кроме того, Филатов всячески способствовал спаиванию местного населения: «а который де павловской крестьянин изопьет на кабаке, и от того де Фролка с товарищи приклеп великой, и в кабаке де у них которые ярыжные, с питухов зипуны и шапки, и колпаки, и кушаки с ножами снимают, а закладывают де то платье у того откупщика у Фролка на кабаке... а наочают де тех ярыжных... Фролко с товарищи».

Итогом обращения крестьян к московским властям стала передача сбора денег самим крестьянам: «а велено им в Павлове остроге кабак в нынешнем во 122-м году держати миром, а откупу заплатить на год, что велено было платить откупщику четыреста пятьдесят рублей, да новые наддачи... с новые наддачи пятнатцать рублей и двадцать пять алтын». Передачу кабака крестьянам подтверждает и челобитная Фрола Филатова.

В борьбу против гороховлян включился и наиболее влиятельный из нижегородцев – думный дворянин Кузьма Минин. Ему пожаловали богатое дворцовое село Ворсма, и, соответственно, кабак, ранее находившийся в откупе у гороховлян, стал приносить доход новому вотчиннику. Хотя в приходе-расходных книгах Новгородской четверти он более не упоминался (село, став вотчиной Минина, не давало более денег государевой казне), мы можем быть уверены, что кабак продолжал работать. Известно, что Кузьму Минина нельзя отнести к числу противников откупа: его люди в 1614/15 г. держали кабак в селе Пумры Нижегородского уезда, причём деньги за них в июне 1615 г. в Новгородскую четвь платил лично Минин [5, стб. 124]. При следующем владельце села Ворсма, боярине кн. И.Б. Черкасском, в 1621–1623 гг. кабак в Ворсме определённо функционировал: «Да в селе ж Ворсме торг да кабак... а кабацкие денги и с торгу пошлину збирают на вотчинника на боярина на князя Ивана Борисовича люди его и крестьяне» [4, с. 726].

Павловские крестьяне сумели взять верх над гороховлянами, но торжествовали победу преждевременно. Вскоре Фрол Филатов подал на имя царя челобитную с просьбой передать кабак ему, мотивируя просьбу тем, что он со своими товарищами «вконец загибли, одолжали великими долги, женишка и детишка свои закабалили», но откупную сумму, несмотря на убытки от нападения воровских людей в марте 1613 г., заплатили в государеву казну сполна. Челобитная Филатова, кстати, содержит уникальные сведения о непростой ситуации в Нижегородском уезде в начале 1613 г.: «в прошлом... во 121-м году Великово Поста на третьей неделе в среду пришли на Павлово литовские люди и черкасы, и русские воры и откупной наш кабак розграбили и разорили, а грабежу, государь, у нас взяли на кабаке кабатцких запасов всяких, питья и денег на сто на шестдесят на семь рублей и на дватцать на шесть алтын на четыре денги». Факт нападения воровских людей (черкас) подтверждается дозорной книгой 1613/14 г.: в описании непашенной слободы Павлова в отношении 13 вдов имеется уточнение – «мужа убили черкасы» [4, с. 499–500]. Получается, что 3 марта 1613 г. (в среду третьей недели Великого поста) всего в 80 верстах от Нижнего Новгорода действовал отряд, состоявший из подданных Речи Посполитой («литовские люди и черкасы») и русских «воров». Неудивительно поэтому, что представители Нижнего Новгорода опоздали к открытию работы Земского собора – дорога в столицу в начале 1613 г. оставалась небезопасной. Выскажу осторожное предпо-

ложение о том, что упомянутый в челобитной Филатова отряд мог иметь отношение к получившей широкую известность позднее «сусанинской легенде».

Время подачи процитированной челобитной можно определить лишь приблизительно – по царской указной грамоте, отправленной в Нижний Новгород. Челобитчик в ней назван «крайчего нашего Михаила Михайловича Салтыкова гороховленин». Это указывает на то, что челобитную подали после 4 апреля 1614 г., когда Гороховец пожаловали Салтыкову [6, с. 103]. Адресована грамота нижегородскому воеводе боярину князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому и дьяку Андрею Варееву. Вместе с ними не упомянут второй воевода. В 1614 г. им являлся Семён Матвеевич Глебов, в том же году скончавшийся в Нижнем Новгороде на воеводстве. Факт смерти С.М. Глебова на воеводстве в Нижнем Новгороде подтверждается челобитной его племянника жильца Н.Б. Глебова, сообщившего, что его дяди не стало на службе в Нижнем Новгороде «от многих ран» [7, л. 198]. Последнее известное упоминание о нём датировано концом апреля 1614 г., а 13 июля 1614 г. его уже определённо не было в живых, поскольку грамота в Нижний Новгород не упоминает его в числе городских администраторов. В начале марта 1615 г. в Нижнем Новгороде в качестве второго воеводы находился Борис Иванович Нащокин [8, с. 422; 9, с. 325; 5, стб. 122]. В царской грамоте по челобитной Филатова не упоминаются ни Семён Глебов, ни Богдан Нащокин. Следовательно, грамота составлялась в промежутке времени между апрелем 1614 г. и мартом 1615 г. Существенно сужает датировку грамоты упоминание в ней 7122 года как «нынешнего»: следовательно, распоряжение о передаче кабака гороховлянину Фролу Филатову отдали не позднее августа 1614 г. Скорее всего, грамота составлялась в конце лета 1614 г., когда подходил к концу срок откупа.

Итак, на 1614/15 г. павловский кабак откупил гороховлянин Фрол Филатов. Надо полагать, его победе над крестьянской общиной способствовало покровительство влиятельного патрона – кравчего Михаила Михайловича Салтыкова, владевшего Гороховцом с апреля 1614 г. и входившего в число наиболее влиятельных лиц при дворе царя Михаила Фёдоровича. Стоимость откупа на 1614/15 г. составляла уже 491 рубль 75 копеек, и Фрол Филатов, дабы упрочить свой успех, заплатил половину этой суммы в Новгородской четверти ещё до начала откупного срока (т.е. тогда же, летом 1614 г.) [5, стб. 120]. Павловцы сдались не сразу и, видимо, не

без боя. Судя по всему, в течение полутора месяцев они не давали гороховлянину приступить к его обязанностям. Во всяком случае, согласно отписке нижегородских воевод, с 1 сентября по 13 октября 1614 г. «на том Павловском кабаке те же откупщики не сидели». Вследствие этого недобор за эти шесть недель составил 56 рублей 74 копейки 1 деньгу – эту сумму воеводам приказали взыскать в Нижнем Новгороде с жителей села. Если бы откупщик «не сидел на кабаке» по своей вине, деньги взяли бы с него. Взыскание денег с крестьян имеет только одно логическое объяснение – именно они, несмотря на наличие у Фрола Филатова государственной грамоты, в течение полутора месяцев не позволяли ему управлять кабаком.

Конфронтацией с крестьянами проблемы Филатова не исчерпывались. 1 апреля 1615 г. он доставил в Москву 49 рублей 13 копеек. Ещё 56 рублей 74 копейки 1 деньгу, напомним, предстояло взыскать с павловских крестьян. С учётом выплаченной вперёд в прошлом году половины стоимости откупа, Филатов оставался должен казне 140 рублей. Однако этих денег по царскому указу с него взыскивать не стали, поскольку, согласно отписке гороховецкого воеводы, эту сумму захватили черкасы (запорожские казаки), убившие одного из товарищей Филатова [5, стб. 123]. Надо полагать, речь идёт об отряде Захария Заруцкого, действовавшем недалеко от Гороховца в конце 1614 – начале 1615 г. Таким образом, предприниматель недоплатил в казну порядка 40% стоимости откупа, но это не повлекло за собой никаких санкций.

Вряд ли можно сомневаться, что причина такого лояльного отношения к Филатову состояла в покровительстве его влиятельного господина – кравчего М.М. Салтыкова. Фрол Филатов и его компаньон Иван Белин действовали в Москве как его люди. В тот же день (1 апреля 1615 г.), когда Филатов и Белин привезли в Новгородскую четвь откупные деньги, они заплатили там и все недоимки за 1613/14–1614/15 гг., числившиеся на тот момент за гороховецким посадом, а также за 1612/13 г. «крайчего пути намесничьих всяких и таможенных и кабацких откупных денег» (всего 11 рублей 41 копейка). И в тот же день по челобитью Михаила Салтыкова из средств Новгородской четверти Филатову и Белину возвратили 100 рублей «запросных денег», взятые у них в июле 1613 г. [5, стб. 261, 324]. Иными словами, вместо того чтобы уплатить в казну вторую половину откупа и недоимки, что суммарно составляло около 260 рублей, они вернулись в Гороховец с прибавкой (почти 40 рублей).

Кабак в селе Павлове, безусловно, сулил немалый доход. Сумма, выкладываемая за него предпринимателями, соотносима со стоимостью откупов в далеко не самых мелких городах Московского государства. В первые годы царствования Михаила Романова за кабак в Павлове платили 450–470 рублей. Приблизительно в то же время годовой оклад кабацкого и таможенного сборов во Владимире составлял 500 рублей, а в Туле за год собрали около 420 рублей [5, стб. 3, 4, 30–34]. К 1620 г. откуп подорожал до 841 рубля (для сравнения – примерно в ту же сумму – 861 рубль – оценивали в 1624 г. кабацкие и таможенные сборы в Курске) [10, л. 40]. При этом нужно помнить и о том, что после уплаты денег в казну откупщик должен был получить доход, перекрывающий его затраты. Наиболее крупные барыши они получали, надо полагать, в самом начале царствования Михаила Фёдоровича: предприниматели платили 450 рублей в год, тогда как всего через несколько лет выяснилось, что откуп остаётся выгодным и при цене в 841 рубль (иначе говоря, в 1612–1615 гг. кабак приносил как минимум стопроцентную прибыль). Но и после повышения стоимости откупа кабак в Павлове оставался перспективным направлением вложения денег. В 1643/44 г., когда деньги с него собирали верные целовальники, оклад составлял 1105 рублей 84 копейки 1 деньгу [11, л. 239].

Гороховляне продолжали эксплуатировать питейные заведения Нижегородского уезда и в дальнейшем. По данным прихода-расходной книги Новгородской четверти 1619/20 г., три кабака в Нижегородском уезде – великовражский, юркинский и работкинский (равно как и работкинский торжок) – контролировались гороховлянами Любимом Григорьевым с товарищи (крестьянами Бориса и Михаила Салтыковых), плативших в казну 257 р. 10 коп. 1.5 д. Любим Григорьев также держал кабак в нижегородском селе Афанасьевском, обязавшись заплатить в Новгородскую четь 25 р. 20 коп. Другой гороховлянин, Василий Степанов, в том же году ведал за 134 рубля кабак и тамгу в селе Сосновском Нижегородского уезда (напомню, ранее этот кабак был в откупе у местных крестьян) [12, с. 52, 53].

Что касается павловского кабака, то он к 1619/20 г. вышел из-под контроля гороховлян: его держал на откупе крестьянин нижегородского села Ворсма Федот Кононов, плативший за это вместе с «наддачей» и пошлинами (составлявшими 10.5 рубля) 841 рубль 65 копеек [12, с. 52]. Нельзя не заметить, что за время, прошедшее между 1614/15 и 1617/18 г., стоимость откупа существенно выросла – на 339 рублей

40 копеек. Для сравнения: за 1611/12 – 1614/15 гг. кабак подорожал лишь на 41 рубль 75 копеек (годовая «наддача» составляла около 20 рублей); в 1619/20 г. «наддача» составила только 10 рублей 50 копеек. Столь существенный прирост цены можно объяснить тем, что на каком-то этапе за кабак вновь развернулась нешуточная конкурентная борьба, когда претенденты на получение откупа перебивали предлагаемую соперником цену. В качестве примера приведу случай, имевший место в 1633/34 г. в пограничной крепости Валуйке. Стоимость откупа таможенного кабака составляла 50 р., но на получение контракта на следующий год претендовало два человека, вследствие чего победитель в торгах получил откуп за 180 рублей, повысив его цену более чем в три раза [13, л. 162]. Впрочем, не исключено, что общее повышение цены связано с целенаправленной политикой Московского правительства, крайне заинтересованного в пополнении государственной казны.

Существенно выросла за те же годы стоимость откупов других кабаков Нижегородского уезда. В селе Сосновском она увеличилась с 20 рублей в 1614/15 г. до 134 рублей в 1619/20 г.; с четырёх «понизовых» кабаков – Столбицкого, Великовражского, Работкинского и Юркинского в 1614/15 г. причиталось 95 рублей 30 копеек, а в 1619/20 г. с трёх из них (без Столбицкого) откупщики платили уже 257 рублей 10 копеек 1.5 деньги [5, стб. 120, 121]. Предпринимались попытки завести новые питейные заведения, но не всегда они увенчивались успехом. Так, нижегородский бортник Андрей Вертягин получил разрешение на открытие 1 мая 1618 г. кабака в селе Малые Шаргали, обязавшись заплатить в Новгородскую четверть 18 рублей. Однако в следующем году Вертягин подал челобитную о том, что кабака он так и не поставил, питья не заводил и, убедившись в нерентабельности затеи («место невеликое»), просил не взыскивать с него денег [14, л. 4–5].

В борьбу за нижегородские кабаки оказались вовлечены, помимо нижегородцев и гороховлян, видные члены Государева двора. Новый откупщик павловского кабака, Федот Кононов, был крестьянином села Ворсма, принадлежавшего к тому моменту боярину кн. Ивану Борисовичу Черкасскому [15, с. 142–151]. Последний, в отличие от владельца Гороховца Михаила Салтыкова, входил в состав ближайшего окружения патриарха Филарета Никитича, вернувшегося в июне 1619 г. из польского плена. В скором времени и само село Павлово, и кабак полностью перешли в руки князя Черкасского. В писцовой книге Закудемского стана Нижегородского уезда 1621–1623 гг. упоминается: «в

селе ж Павлове на нижнем посаде изба таможенная да на берегу Оки реки кабак и кабатцкой двор да винокурня, а таможенные и кабатцкие денги збирают на вотчинника на боярина на князя Ивана Борисовича» [4, с. 741–742]. Близкие к патриарху люди стали теснить лиц, пользовавшихся покровительством «царицы-инокини» Марфы Ивановны.

Жертвой этой столичной борьбы за власть между придворными группировками стали экономические интересы гороховлян. Они потеряли павловский кабак, и это не стало их единственной неприятностью. Другой вельможа из окружения патриарха, вернувшийся вместе с ним из плена боярин Михаил Борисович Шеин, получил в поместье нижегородское село Афанасьевское, где кабак держал гороховлянин Любим Григорьев. Уже в конце января 1620 г. кабак в Афанасьевском «свели». В феврале того же года другое нижегородское село – Сосновское – передали в поместье князьям Борису Пашай-мурзину Куликову и Леонтию Салтанашеву Шейдякову, в связи с чем местный кабак, находившийся на откупе у гороховлянина Василия Степанова, тоже ликвидировали. В следующем, 1620/21 г. гороховляне лишились Великовражского, Работкинского и Юркинского кабаков, переданных крестьянину дворцового села Мурашкина [12, с. 52, 53, 244]. Впрочем, на следующий, 1621/22 г. откуп этих кабаков снова был за гороховлянами Любимом Григорьевым с товарищи, которым пришлось согласиться на уплату в казну 365 рублей 19 копеек 1 деньга. Другой гороховлянин, Фрол Филатов, в том же году за 873 р. 15 копеек откупил кабак в Павлове [16, л. 418, 498]. И лишь окончательное падение придворной группировки Салтыковых в 1623 г. остановило интервенцию гороховлян на нижегородский рынок кабацких откупов.

Анализ сохранившейся информации об откупах кабаков Нижегородского уезда позволяет реконструировать ход борьбы за эту высокоприбыльную часть российской экономики начала XVII в. Богатые жители Гороховецкого уезда в 1611/12 г. примкнули к земскому движению небескорыстно. В обмен на финансовую поддержку формирующемуся Второму ополчению они добились передачи себе на откуп кабаков в сёлах Павлово и Ворсма, а возможно и в самом Нижнем Новгороде. Захваченные позиции они попытались упрочить в первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича, продлевая контракты на следующий год. Однако население Нижегородского уезда было не в восторге от засилья гороховлян и вступило в борьбу за возвращение контроля над кабаками, сумев на некоторое время потеснить последних. Однако

уже в 1614 г., с передачей Гороховца «в путь» кравчему М.М. Салтыкову, ситуация радикально поменялась: влиятельный вельможа добился для своих людей особых условий, вследствие чего нижегородские кабаки с конца 1614 г. вновь оказались в руках гороховлян. Их привилегированному положению в Нижегородском уезде положили конец лишь после 1619 г., когда в связи с возвращением из плена царского отца патриарха Филарета Никитича, фактически возглавившего российское правительство, позиции Салтыковых пошатнулись. Эхом политической борьбы в Москве стал переход кабацких откупов в Нижегородском уезде от гороховлян в руки нижегородцев, а затем – к столичным чинам из окружения патриарха Филарета.

Приложение 1

Без даты (вероятно, лето 1614 г.). Отпуск (черновик) указной грамоты царя Михаила Фёдоровича в Нижний Новгород воеводе боярину кн. Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому и дьяку Андрею Варееву о передаче откупа кабака в селе Павлове Нижегородского уезда на 1614/15 г. гороховлянину Фролу Филатову с товарищи (отрывок).

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Нижней Новгород боярину¹ и воеводе нашему² князю Володимеру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому да дьяку нашему Ондрию Варееву. Били нам челом крайчего нашего Михаила Михайловича Салтыкова гороховленин Фролко Филатов с товарищи^{3 4} (124) //, а сказал. В прошлом де во 120-м году откупили они⁵ в Нижнем Новгороде⁶ в Нижгородском уезде павловской кабак на 121-й год, а откупные де денги заплатили с тово кабака на год⁷ четыреста пятьдесят рублей. И в прошлом же де во 121-м году Великово Поста на третьей неделе в среду пришли на Павлово литовские люди и черкасы, и руские воры и откупной их⁸ кабак розграбили и разорили, а грабежу де у них⁹ взяли на кабаке кабатцких запасов всяких, питья и денег на сто на шестдесят на семь рублей и на дватцать на шесть алтын на четыре денги. И от того де [...] грабежу и разоренья¹⁰ кабака их¹¹ стоял [...] и недели¹². А¹³ на 122-й год павловской кабака отдан на откуп павловским крестьяном, а они де¹⁴ от тово грабежу и разоренья и в кабатцком простое¹⁵ одолжали великими долги¹⁶, а в нашу казну¹⁷ заплатили денги все сполна¹⁸. [И государю бы их по]жаловати, велети им тот пав[ловской кабака...]¹⁹ (125)

/РГАДА. Ф. 141 («Приказные дела старых лет»). Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 124–125/

Приложение 2

См. таблицу.

Примечания

1. Далее зачеркнуто: князю.

15. Далее зачеркнуто: *вконец загибли и.*

16. Далее зачеркнуто: *женижка и детишка свои за- кабалили, а ту государеву казну.*

Таблица

Динамика изменений стоимости кабацких откупов в Нижегородском уезде по данным прихода-расходных книг Новгородской четверти 1614/15, 1619/20, 1620/21 г.²⁰

	Общий оклад кабацких сборов в Нижегородском уезде	Общая стоимость кабацких откупов, находившихся в руках гороховецких откупщиков
1614/15 г.	830 р. 24 коп. 1 д.	491 р. 75 коп. (59%)
1619/20 г.	1743 р. 97 коп. 1 д.	416 р. 30 коп. 1.5 д. (24%)
1620/21 г.	1580 р. 0 коп. 1.5 д.	–

2. Слово *нашему* приписано над строкой.

3. Слова *крайчего нашего Михаила Михайловича Салтыкова гороховленин Фролко Филатов с товарищи* написаны между строк вместо вычеркнутого Павлова острогу пашенные и непашенные люди, а сказали: в Павлове остроге кабак в откупу за гороховляны за Фролком Филатовым с товарищи, а откупу де тот откупщик платит на год по четыреста по пятидесять по пяти рублев, а им де от тех кабацких откупщиков обида и насильство великое. На Павлове де те откупщики хлеб купят чети по сту и по полтора и в отвоз отвозят для свое корысти, и у них де хлеб стал дорог, многие де люди от [хлеб]на дорогову скитаютца меж двор, а который де павловской крестьянин изопьет на кабаке, и [от] того де Фролка с товарищи приклеп великой, и [в] кабаке де у них которые ярыжные с питухов з[шту]ны и шапки, и колтаки, и кушаки с ножами с[ни]мают, а закладывают де то платье у того откупщика у Фролка на каба[ке ...]паяют, а наючают де тех я[рыжных ...] Фролка с товарищи. И по и[х] челобитью дана им] наша грамота, а велено им в Павлове [остро]ге кабак в нынешнем во 122-м году держати миром, а откупу заплатить на год, что велено было платить откупщику четыреста пятьдесят рублев, да новые наддачи [...] с новые наддачи пятнатцать рублев и двадцать пять алтын. И ныне нам бил челом Павлова острогу пашенной староста Васка Сидоров.

4. В тексте стоит значок «крыж», которым обозначен текст вставки, помещенной на обороте.

5. Слово *они* написано над строкой; первоначально было написано, а затем зачеркнуто: *откупил я, сирота твой государев.*

6. Далее вычеркнуто: *у твоих государевых воевод у князя Василья Андреевича Звенигородского да у Ондreja Семеновича Олябьева да у Василья Семенова.*

7. Далее зачеркнуто: *в твою государеву казну.*

8. Слово *их* написано над строкой вместо зачеркнутого *наш*.

9. Слова *де у них* написаны над строкой вместо зачеркнутого *государь, у нас*.

10. Далее зачеркнуто: *откупной наш*.

11. Слово *их* написано над строкой.

12. Далее зачеркнуто: *И об нашем, государь, разоренье и о [...] из] Нижнева Новагорода твои государевы воеводы писали к тебе, государю, к Москве в Нижегородскую четь, и.*

13. Слово *А* написано над строкой.

14. Слова *а они де* написаны над строкой вместо вычеркнутого *а мы, сироты твои государевы*.

17. Слова *а в нашу казну* написаны над строкой.

18. Далее зачеркнуто: *Государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси, смилуйся над нами, вели, государь, д[ать ...].*

19. Конец документа утрачен.

20. Составлено по: РИБ. Т. XXVIII. Стб. 120, 121, 124; ПРК. С. 52–54, 243–245.

Список литературы

1. Кузнецов А.А., Морохин А.В. Нижегородское купечество и Второе ополчение // Гороховец в истории России: Сборник статей. М., 2016. С. 26–32.

2. Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. 528 с.

3. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. 479 с.

4. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Ч. 1. М., 2015. 1040 с.

5. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XXVIII. М., 1912. 516 с.

6. Назаров В.Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI – начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2. С. 97–103.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 6.

8. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1841. III + 501+3+18 с.

9. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. СПб., 1892. II + 445 с.

10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Книги Денежного стола. Кн. 80.

11. РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Новгород. Кн. 28.

12. Прихода-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. 479 с.

13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 286.

14. РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.).

15. Лисейцев Д.В. Дело по челобитной боярина князя И.Б. Черкасского (к вопросу о темпах работы приказной и воеводской администраций в начале

XVII в.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 142–151.

16. РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 4.

graficheskoyu komissieyu. Т. III. SPb., 1841. III + 501+3+18 s.

9. Pamyatniki diplomaticheskih i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej. Т. II. Carstvovanie Borisa Go-

**«AND THESE KABAK TAX FARMERS CAUSE HARM AND GREAT ABUSE...»:
THE STRUGGLE FOR THE LEASE OF KABAKS IN THE NIZHNI NOVGOROD UYEZD
AT THE END OF THE TIME OF TROUBLES**

D.V. Liseitsev

The article considers the history of the struggle for the right to lease out kabaks in the Nizhni Novgorod district during the second decade of the 17th century. Trade in alcoholic beverages in the 17th century was highly profitable, thus a lot of people wanted to take part in the lease of kabaks (which were in the exclusive possession of the state). The newly discovered documents allow us to get an insight into the persistent and even violent struggle for dominance in this profitable business. The competition for the right to lease kabaks in the rich village Pavlovo in the Nizhni Novgorod uyezd was particularly tense. It follows from the documents that the trade people from the nearby Gorokhovets uyezd showed great interest in the use of kabaks in the Nizhni Novgorod uyezd. They managed to sideline the citizens of Nizhni Novgorod for a while with the support of their patrons - the Saltykov brothers (who were close to Tsar Mikhail Feodorovich). The transition of power to the hands of Patriarch Philaret Nikitich who returned from Polish captivity had weakened the position of the Saltykov court group in Moscow. This led to the loss of Gorokhovets citizens' positions. Their place was occupied by some people from the Patriarch's entourage.

Keywords: Time of Troubles, reign of Mikhail Fedorovich, Nizhni Novgorod uyezd in the 17th century, kabak concessions, political struggle.

References

1. Kuznecov A.A., Morohin A.V. Nizhegorodskoe kupechestvo i Vtoroe opolchenie // Gorohovec v istorii Rossii: Sbornik statej. M., 2016. S. 26–32.

2. Kozlyakov V.N. Smuta v Rossii. XVII vek. M., 2007. 528 s.

3. Dokumenty Pечатnogo prikaza (1613–1615 gg.). M., 1994. 479 s.

4. Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraja konca XVI – pervoj chetverti XVII veka. Ch. 1. M., 2015. 1040 s.

5. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoyu komissieyu. Т. XXVIII. M., 1912. 516 s.

6. Nazarov V.D. Iz istorii gosudarstvennogo apparata Rossii v konce XVI – nachale XVII v. // Sovetskie arhivy. 1969. № 2. S. 97–103.

7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 210. Razryadnyj prikaz. Op. 9. Stolbey Moskovskogo stola. D. 6.

8. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheo-

dunova, Vasiliya SHujskogo i nachalo carstvovaniya Mihaila Feodorovicha. SPb., 1892. II + 445 s.

10. RGADA. F. 210. Op. 6-zh. Knigi Denezhnogo stola. Kn. 80.

11. RGADA. F. 137. Boyarskie i gorodovye knigi. Op. 1. Novgorod. Kn. 28.

12. Prihodo-raskhodnye knigi moskovskih prikazov 1619–1621 gg. M., 1983. 479 s.

13. RGADA. F. 210. Op. 6-zh. Kn. 286.

14. RGADA. F. 141. Prikaznye dela staryh let. Op. 1. D. 2 (1619 g.).

15. Lisejcev D.V. Delo po chelobitnoj boyarina knyazyza I.B. Cherkasskogo (k voprosu o tempah raboty prikaznoj i vovodskoj administracij v nachale XVII v.) // Tvorcy i geroi. Istochniki i issledovaniya po nizhegorodskoj istorii. Nizhnij Novgorod, 2012. S. 142–151.

16. RGADA. F. 233. Pечатnyj prikaz. Op. 1. Kn. 4.